

ОБЪЯВИТЬ В НАРОД: О РЕЧЕВЫХ ФОРМУЛАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ДОВЕДЕНИЕ ДО СВЕДЕНИЯ' В ПЕЧАТНЫХ УКАЗАХ ПЕТРА I (1714–1719)*

TATIANA S. SADOVA

OB"YAVIT' V NAROD / ANNOUNCE TO THE PEOPLE: ABOUT SPEECH FORMULAS
WITH MEANING 'BRINGING TO ATTENTION' IN PRINTED DECREES OF PETER I (1714–1719)

Татьяна Семеновна Садова

доктор филологических наук, профессор,

► tatsad_90@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9

Tatiana S. Sadova

Doctor in Philology, Professor

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

В статье описывается язык распорядительных документов, созданных в период наиболее активной реформаторской деятельности Петра I (1714–1719), в течение которого при непосредственном участии Петра было издано более 110 печатных указов. В центре внимания — устойчивые сочетания, обозначающие способы доведения до сведения населения указных предписаний государя. Подчеркивается их историко-культурная, содержательная ценность, поскольку зачастую они свидетельствуют о тех внеязыковых причинах, которые обусловили формирование корпуса устойчивых сочетаний, называемых в современном деловом языке «клише», «формула» и подобными терминами. Так, императивные инфинитивные сочетания нередко включают в себя глагольные слова с корнем *печат-* (*печатать*, *печатано*), чрезвычайно частотными становятся двусловная номинация «печатный лист» или однословная «лист», употребительны императивные структуры «прибить листы», «роздать листы» — все это отражает тотальный переход петровской канцелярии на печатную документную форму. Прослеживается лексическая и синтаксическая стабильность, употребительность и повторяемость выделенных сочетаний в текстах указов, что позволяет говорить о них как о формульных сочетаниях или о жанровых формулах, становление которых становится яркой чертой нового делового языка. Указывается, что печатные указы значительно ускоряют доставку государевой воли в самые отдаленные губернии царской России, до самого широкого круга лиц, о чем свидетельствуют формульные сочетания «для всенародного ведома», «для всякого ведома», «для всенародного объявления» и подобные. При рассмотрении чрезвычайно частотного формульного сочетания «указы посланы» подчеркивается, что бессубъектность делового общения, которая отражается в этой форме, впоследствии становится одним из основных признаков государственной деловой коммуникации, свойственных и современному документному языку.

Ключевые слова: печатная форма документа, деловой язык XVIII в., указы Петра I, формульность деловой речи, культурное содержание формулы.

The article describes the language of administrative documents created during the period of the most active reform activity of Peter I (1714–1719), during which more than 110 printed decrees were issued with tsar's direct participation. The focus is on stable combinations with the meaning of ways of bringing the sovereign's decree orders to the attention of the population. Their historical, cultural, and substantive value is emphasized, since they often testify to those

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект 24-28-00325).

The research was supported by Russian Science Foundation (project no. 24-28-00325).

extra-linguistic reasons that determined the formation of a corpus of stable combinations, designated in modern business language by the terms “cliché,” “formula,” etc. Thus, imperative infinitive combinations often include verbal words with the root *pechat-* / *print-* (*pechatat'*, *pechatano* / *print*, *printed*), the two-word nomination “*pechatny list*” / “*printed sheet*” or one-word “*list*” / “*sheet*” becomes extremely frequent, imperative structures “*pribit' listy*”, “*rozdat' listy*” / “*to nail sheets*”, “*to distribute sheets*” — all this reflects the total transition of Peter’s office to printed document form. The lexical and syntactic stability and frequency of selected combinations in the texts of decrees can be traced, which allows one to speak of them as formulaic combinations or genre formulas, the formation of which during this period becomes a striking feature of the new official language. It is indicated that printed decrees significantly speed up the delivery of the sovereign’s will to the most remote provinces of Tsarist Russia, to the widest circle of people, as evidenced by the formulaic combinations “*dlya vsenarodnogo vedoma*”, “*dlya vsyakogo vedoma*”, “*dlya vsenarodnogo ob'yavleniya*” / “*for public knowledge*”, “*for all knowledge*”, “*for public announcement*”, etc. When considering the extremely frequent formulaic combination “*ukazy poslany*” / “*decrees have been sent*”, it is emphasized that the lack of subjectivity of official communication, which is reflected in this form, subsequently becomes one of the main features of state official communication, characteristic of modern documentary language.

Keywords: printed form of the document, official language of the 18th century, decrees of Peter I, formality of official speech, cultural content of the formula.

Введение

Русское деловое письмо имеет уникальную историю, которая зачастую не только отвечает на многие сугубо лингвистические вопросы (формирование речевых клише, стандартизация текста, отбор лексических единиц под конкретную практическую задачу и др.), но и проливает свет на объективные внеязыковые причины, способствовавшие последовательному закреплению той или иной речевой единицы за деловым стилем как особой сферой коммуникации со своими «социально значимыми задачами» [Дускаева, Протопопова 2011: 273]. Одна из важнейших задач официально-деловой коммуникации — налаживание общения (диалога) властных структур с гражданами государства «с целью обеспечения легитимности существующего порядка и придания ему стабильности» [Громова 2002: 43].

Способы распространения и доведения до сведения граждан распоряжений «верховой власти» в разные эпохи имели социокультурные

особенности, в том числе связанные с типом и традицией правления, а также уровнем развития средств доставки этих распоряжений. В современном мире трудностей в этом смысле почти не осталось — компьютеризация и цифровизация делопроизводства оставили в прошлом проблемы доставки до человека практически любого правительственного документа, ориентированного на массового адресата.

В Древней же Руси, например, такие распоряжения фиксировались преимущественно в письменной (рукописной) форме, но доставлялись до населения — благодаря труду глашатаев (*бирючей*¹) — устно, громким зачитыванием текста на площадях, ярмарках и в других местах людского скопления [Музыкант 2016: 27]. До правления Петра I такая практика информирования и распространения царских указаний была приоритетной и самой распространенной.

Материалом для исследования послужили печатные указы Петра 1714–1719 гг. Это пятилетие характеризуется чрезвычайной законотворческой активностью Петра, при непосредственном участии которого были изданы более 110 царских указов по самым разным вопросам государственного строительства [Воскресенский 1945: 39–87; 209–230; 361–380]. Следует при этом учесть, что в течение почти двух лет (1716–1717) Петра в России не было — он во второй раз, после Великого Посольства 1697–1698 гг., предпринял путешествие в Западную Европу, на сей раз во Францию. Поэтому для неполных трех лет правотворческой деятельности такое количество государственных указов, черновики большинства из которых создавал сам Петр [Воскресенский 2017: 140], — факт поразительный во всех отношениях. Собрание указов этого периода, изданное в 1724 г. еще при жизни императора отдельной книгой — «Копии Его Императорскаго Величества указов, состоявшихся с 1714 по 1719 год...» [КЕИВУ 1714–1719], — послужило источником исследуемых текстов.

Печатные указы Петра I: текстовые преимущества

Петровская эпоха внесла существенные коррективы в способы обнародования царских указов.

Впервые в истории русской канцелярии стала широко применяться печатная форма хранения и, главное, распространения государственных указов, поскольку печатным, типографским способом изданный правительственный документ имел несомненные преимущества перед рукописным.

Во-первых, скорость доставки таких бумаг до соответствующих органов власти на местах значительно увеличилась.

Во-вторых, благодаря тиражированию печатный документ без всяких затруднений мог размещаться для публичного ознакомления во многих местах общественного пребывания, то есть охватывать большое количество получателей распорядительной информации. Более того, он мог продаваться в книжных лавках как доступное произведение для чтения, иногда весьма популярное. Так случилось, например, с Манифестом от 5 марта 1718 г. о расследовании так называемого дела Евдокии Лопухиной (к тому времени монахини Елены), первой супруги Петра I. Она подозревалась в том, что хотела, «скинув с себя монашеское платье», вновь «стать царицей» [Манифест 1718: 2]. К тому же впервые в документной практике России «к вящему царицыному стыду» в манифесте публиковалась, то есть «обнародовалась, <личная, любовная> переписка Евдокии с майором Степаном Глебовым» [Козляков 2014: 188] — неслыханная по тем временам открытость в изложении столь интимных сторон жизни царской фамилии. Не удивительно поэтому, что манифест «разошелся почти в 2000 копий и находился в свободной продаже за 4 алтына» [Козляков 2014: 181].

Торговля опубликованными текстами официальных распоряжений, исходящих из государственной канцелярии, была узаконена специальным указом, подписанным Петром I 16 марта 1714 г., — «О печатании и о продаже в народ указов» [КЕИВУ 1714–1719: 4]. В нем среди прочего ясно обозначалась цель, побудившая Петра прибегнуть к этому новому для русского делопроизводства порядку: «Для всенародного объявления велеть в Типографии печатать и продавать всем, дабы были о том сведомы» [КЕИВУ 1714–1719: 4]. Таким образом решалась масштабная задача — охватить волевым словом государевым все большие слои населения,

информировать и разъяснять суть кардинальных реформ, затеянных верховной властью, отнюдь не всегда популярных в народе [Гобозов 2019: 45–46].

В-третьих, для более эффективного воздействия на адресата, не только слушающего, но и читающего царское распоряжение, следовало внести серьезные коррективы в структуру текста и «форму представления». Краткость и доступность стали основными критериями печатных текстов, призванных быстро и широко обнародовать самодержавную волю. Поэтому печатные указы Петра, предназначенные для публичного распространения, отличались лаконичностью, видимой структурированностью, наличием большого количества так называемых клише, стандартных речевых единиц (формул), — признаков делового текста, воспринимающихся сегодня как стилистически (жанрово) обязательные [Дускаева, Протопопова 2011: 274].

Показательно, что большая часть указов периода 1714–1719 гг. — это одностраничные тексты, своеобразные «листочки», которые легко множились в типографиях и быстро распространялись по городам и селениям огромной страны. Таковы, например, многие указы, датированные только 1714 г., — «О мазанках и деревянном строении» (от 6 апреля 1714 г. [КЕИВУ 1714–1719: 35]), «О ловле лосей» (от 12 апреля 1714 г. [КЕИВУ 1714–1719: 41]), «О холстинных лоскутьях» (от 16 апреля 1714 г. [КЕИВУ 1714–1719: 42]), «О дворянах и недорослях» (от 16 сентября 1714 г. [КЕИВУ 1714–1719: 56]), «О платье» (от 19 декабря 1714 г. [КЕИВУ 1714–1719: 78]) и др.

Подобные государевы документы в указах этого времени напрямую назывались «печатными листами», которые следовало «публиковать», «объявлять», «прибивать по воротам» и подобное:

И сеи указ при Санктъитербурхе <...> публиковать [КЕИВУ 1714–1719: 103]; *И для того сеи наш указ напечатав послать ко всем губернаторам и велеть им <...> оной публиковать, и по воротам и у церкви прибить печатные листы* [КЕИВУ 1714–1719: 116]; *И для всенародного ведома послать дьяка и велеть объявить с барабанным боем, а на площади и в других местех прибить*

о том **печатные листы** [КЕИВУ 1714–1719: 168]; *Чтоб никто неведением не отговаривался, посылать печатные указы и велеть публиковать, також в пристойных местех для всенародного известия прибить указы* [КЕИВУ 1714–1719: 204].

Формулы «доведения до сведения» в печатных указах Петра I

Печатная форма царского указа нашла отражение прежде всего в лексическом составе ряда деловых формул и текстовых фрагментов, в которых описывается способ доведения его содержания до широких слоев населения России. Чаще всего лексемы с корнем *печат-* встроены в императивные формулы указов (с участием инфинитива): *указано объявить печатные листы; прибить печатные листы; указ напечатать, и по воротам и у церквей прибить печатные листы; в народе публиковать листами* и др.:

И о том при Санктпитебургхе указано объявить Императорского Величества печатные листы [КЕИВУ 1714–1719: 68]; *В народе везде прибить печатные листы* [КЕИВУ 1714–1719: 74]; *Сей указ напечатать и публиковать во всех губерниях* [КЕИВУ 1714–1719: 194]; *И о том напечатав листы поставить в пристойных местах* [КЕИВУ 1714–1719: 232]; *О том в народе публиковать листами* [КЕИВУ 1714–1719: 244].

Из указа в указ (по существу) одними и теми же словами Петр I последовательно разъясняет главную цель многократного тиражирования «печатных листов» — для информирования как можно большего количества подданных (причем разного сословия) о делах и решениях власти, а также в качестве предостережения о том, что наказание заслушание, неисполнение высочайшей воли неминуемо уже потому, что указ был широко обнародован: *дабы неведением никто не отговаривался; для ведома; для всенародного ведома; дабы всякий мог ведать; дабы о том все ведали; для всенародного ведения*:

Сей указ объявить во всех городах и уездах Санкт-Петербургской губернии <...>, дабы неведением никто не отговаривался [КЕИВУ 1714–1719: 58]; *И дабы неведением никто не отговаривался*

велеть всем у дел будущим к сему указу приложить руки [КЕИВУ 1714–1719: 73]; *И о том во все губернии и во Адмиралтейство и во все канцелярии послать указы, а при них печатные листы для всенародного ведения, дабы в том неведением никто не отговаривались* [КЕИВУ 1714–1719: 207]; *Того ради всем жителям здешним объявляется <...> быть в том послушным и никто б неведением не отговаривался* [КЕИВУ 1714–1719: 258].

Как отмечает М. Л. Ремнева, союз *для того чтоб/-ы (для) и*, следовательно, предложно-падежное сочетание *для ведома* использовались при выражении целевой семантики и в приказном языке XVII в., однако — в единичных случаях [Ремнева 2003: 264]. Заметная же частотность и повторяемость перечисленных сочетаний со значением цели (*для ведома; для всенародного ведома; дабы всякий мог ведать; дабы о том все ведали; для всенародного ведения* и др.) в рассматриваемых текстах приближают их к статусу жанровых формул для указа петровского времени. Из приведенных примеров видно, что почти каждая из конструкций имеет, как и всякая формула, незначительные трансформации, но ядерные лексические компоненты остаются неизменными: *для ведома — для всенародного ведома — для всенародного ведения — для ведома* всякого:

И для всенародного ведома послать дьяка и велеть объявить <указ> с барабанным боем [КЕИВУ 1714–1719: 168]; *И о том во все губернии и во Адмиралтейство и во все канцелярии послать указы, а при них печатные листы для всенародного ведения* [КЕИВУ 1714–1719: 203]; *Велеть публиковать, також в пристойных местех для всенародного известия прибить указы* [КЕИВУ 1714–1719: 204]; *И для того объявить всем и прибить печатные листы, дабы о том все ведали* [КЕИВУ 1714–1719: 218] и др.

Наиболее частотной формулой со значением способа распространения властной воли государя оказывается выражение «о том указы посланы»: *О том / о всем / о вышеописанном указы посланы (в губернии / в канцелярии / в приказе)* и др. О «высокой продуктивности пассивных конструкций» в языке московских приказных документов XVII в. пишет М. Л. Ремнева, отмечая при этом,

что «наиболее употребительны <в них> двучленные пассивные конструкции с невыраженным агенсом» [Ремнева 2003: 279]. К таковым относятся и «указы посланы». Очевидна связь делового языка XVIII в. с приказным языком предшествующих эпох. Заметим лишь, что эта формула последовательно используется в указах, адресованных прежде всего государственным структурам «на местах» — губернаторским, епархиальным, ведомственным. Грамматическая форма ключевого компонента устойчивого сочетания — страдательный залог краткого причастия — ясно свидетельствует о том, что субъект действия (человек) в таких случаях не столь важен, поскольку речь идет о внутреннем, «аппаратном» делопроизводстве, в котором просматривается будущее всей деловой коммуникации — ее тотальная бессубъектность [Руднев, Садова 2020: 191–192].

И о том в губернии Его Императорского Величества указы посланы [КЕИВУ 1714–1719: 71]; *И о том в Адмиралтейство и в провианскую канцелярию указы посланы* [КЕИВУ 1714–1719: 101]; *Для того во все губернии указы посланы* [КЕИВУ 1714–1719: 125]; *И о том в губернии указы посланы* [КЕИВУ 1714–1719: 179].

Как видно из содержания формул рассматриваемой тематики, для ознакомления с царскими указами, адресованными массовому получателю, использовался порой и старый способ устного провозглашения печатного текста:

Те печатные Его Великого Государя указы роздать комиссаром <...> и в том приеме росписатца <...>, и по них о публичном объявлении отвечать [КЕИВУ 1719–1720: 45]; *Сей указ объявить во всех городах и уездах Санкт-Петербургской губернии* [КЕИВУ 1714–1719: 58]; *И о том при Санкт-петербурхе указано объявить Императорского Величества печатные листы* [КЕИВУ 1714–1719: 68]; *О том сей указ объявить всенародно* [КЕИВУ 1714–1719: 119]; *И для всенародного ведома послать дьяка и велеть объявить <указ> с барабанным боем* [КЕИВУ 1714–1719: 168].

В сочетании «указ публиковать» глагол «публиковать»² имеет значение ‘объявлять всенародно, оглашать’ [Даль 2003, III: 535], поэтому выпадает в этих устойчивых структурах в качестве

синонима к слову «объявлять», равно как «публично» в выражении «объявить публично» является формульным синонимом (или даже дублетом) слова «всенародно».

Довольно часто в регламентирующей части указа прописываются оба способа доведения до сведения — и печатный, и устный, что подчеркивает желание Петра всеми возможными путями донести свою волю «во всеобщее ведение»:

Сей указ напечатать, послать ко всем губернаторам и велеть им всякому в городах своей губернии онои публиковать и по воротам и у церквей прибить печатные листы [КЕИВУ 1714–1719: 116]; *И для того объявить всем и прибить печатные листы, дабы о том все ведали* [КЕИВУ 1714–1719: 218]; *Всем жителем здешним объявляетца, ежели что будет до них в оном управлении касатца, быть в том послушным* [КЕИВУ 1714–1719: 258]; *Объявить, да бы у всех приходоу церквей сказать, и выставить у всех же церквей листы* [КЕИВУ 1714–1719: 275].

Устойчивые сочетания рассматриваемой тематики сохранили свидетельства о той процедуре ознакомления с документом «сверху», которая сохранилась в российском делопроизводстве до наших дней, — собственноручно расписаться в получении информации «сверху» и, следовательно, нести ответственность за исполнение распорядительного предписания:

Велеть всем у дел будучим к сему указу приложить руки и впредь, кто к которому делу приставлен, будет прикладывать, а в народе везде прибить печатные листы [КЕИВУ 1714–1719: 74]; *И для того всем Санктпетербургским жителям, которые на тех берегах дворы имеют, всем подписаться самим или людям их* [КЕИВУ 1714–1719: 130]; *Купеческим людям <...> во всех городах здешней губернии <...> сказать с запискою и с приложением рук* [КЕИВУ 1714–1719: 204].

Заключение

Деловые тексты, в том числе указы Петровской эпохи, демонстрируют постепенное складывание делового стиля новой России, многие принципы которого сохранились до наших дней.

Формульность, или клишированность, документного языка [Исупова 2004: 80], понимаемая сегодня как его обязательный и при этом не всегда содержательно емкий компонент, имела свои объективные причины, зачастую обусловленные историей развития государственной коммуникации в целом, поскольку одна из основных задач официально-делового языка в любые времена — обслуживать (в широком смысле) внутригосударственное общение, причем как «сверху вниз», так и «снизу вверх». Наследие приказного языка XVII в. (ориентация на живой язык, устное распространение царских указов, «рукоприкладство») было усвоено и даже творчески развито в деловом дискурсе XVIII в.

Петр I, царь-реформатор, ставит перед страной и народом эпохальные цели, поэтому перестройка всей деловой сферы была неизбежна. Так, Петр желает охватить своим волевым словом как можно большее количество подданных, с этой целью все делопроизводство переходит на печатные формы. Сами тексты указов, распоряжений, манифестов и царских объявлений становятся максимально краткими, формируется устойчивая структура документа; «печатные листы» повсеместно распространяются «в народе». Петр разрушает таинство внутренней жизни царской фамилии, провозглашает открытость в расследовании государственных преступлений, кем бы они ни совершались. Для этого издается специальный указ о печатании и свободной продаже государевых распоряжений. Он желает разъяснить существо своих преобразований, чему служат специальные речевые формулы (прежде всего с лексическими компонентами, указывающими на печатную форму царского распоряжения), доселе не существовавшие в приказном языке. Об этих и других фактах формирования (по существу) нового делового языка в России XVIII в. [Живов 1996: 13] свидетельствуют тексты указов Петра I, в том числе те формульные сочетания о способах информирования населения о царских распоряжениях, ставшие объектом описания данной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Бирючь — глашатай, объявляющий по улицам и площадям постановления правительства» [Даль 2003, I: 88].

² Примечательно, что в «Словаре Академии Российской, 1789–1794» (в 6 т.; под ред. Г. А. Богатовой и др. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006) это слово не зафиксировано.

ИСТОЧНИКИ

КЕИВУ 1714–1719 — *Копии его императорского величества указов, состоявшихся с 1714, по 1719 год. Опубликованных и в прежних Санктъпетербургской типографии двух выходов в книжках напечатанных. Ныне со приобщением к ним собранных в Сенате, состоявшихся указов же, надлежащих впродъ к действию и ведению.* В Санктъпетербурхе: В Сенатской типографии напечатаны, 1724. 321 с.

Манифест 1718 — *Манифест или, Объявление. Которое читено в столовой палате, при освященном соборе, И Его Царскаго Пресветлага Величества при Министрах, и прочих духовнаго и гражданскаго чина людех.* Марта в 5 день 1718 году. Печатано в Санктъпетербурге. 16 с.

СЛОВАРИ

Даль 2003 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка:* в 4 т. М.: Русский язык, 2003. Т. I. 699 с. Т. III. 555 с.

Дускаева, Протопопова 2011 — Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. *Официально-деловой стиль.* В кн.: *Стилистический энциклопедический словарь русского языка.* Кожина М. Н. (ред.). М.: Наука; Флинта, 2011. С. 273–277.

ЛИТЕРАТУРА

Воскресенский 1945 — Воскресенский Н. А. *Законодательные акты Петра I:* в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. I. 662 с.

Воскресенский 2017 — Воскресенский Н. А. *Петр Великий как законодатель.* М.: Новое литературное обозрение, 2017. 640 с.

Гобозов 2019 — Гобозов И. А. *Философско-историческое осмысление реформ Петра I. Философия и общество.* 2019, (2): 41–62.

Громова 2002 — Громова Т. Н. *Государственная коммуникация: теоретическая модель и региональная практика.* В сб.: *Теория коммуникации & прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации.* Розина И. Н. (ред.). Ростов-н/Д: ИУБиП, 2002. Вып. 1. С. 43–52.

Живов 1996 — Живов В. М. *Язык и культура в России XVIII века.* М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.

Исупова 2004 — Исупова М. М. *Языковая клишированность и стандарт: когнитивный аспект.* *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* 2004, (483): 77–81.

Козляков 2014 — Козляков В. Н. *Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству.* М.: Молодая гвардия, 2014. 318 с.

Музыкант 2016 — Музыкант В. П. Контуры чужой речи как интекст в дискурсе славянской культуры. *Вестник славянских культур*. 2016, (1): 27–40.

Ремнева 2003 — Ремнева М. Л. *Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв.* М.: Изд-во МГУ, 2003. 336 с.

Руднев, Садова 2020 — Руднев Д. В., Садова Т. С. Субъект современной деловой речи: кто он? *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 2020, 2 (2): 186–192.

References

Воскресенский 1945 — Voskresensky N. A. *Legislative acts of Peter I*: in 3 vols. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1945. Vol. I. 662 p. (In Russian)

Воскресенский 2017 — Voskresensky N. A. *Peter the Great as a legislator*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 640 p. (In Russian)

Гобозов 2019 — Gobozov I. A. Philosophical and historical understanding of the reforms of Peter I. *Filosofia i obshchestvo*. 2019, (2): 41–62. (In Russian)

Громова 2002 — Gromova T. N. State communication: Theoretical model and regional practice. In: *Teoriia kommunikatsii &*

prikladnaia kommunikatsiia. Vestnik Rossiiskoi kommunikativnoi assotsiatsii. Rozina I. N. (ed.). Rostov-on-Don: Institut upravleniia, biznesa i prava Publ., 2002. Vol. 1. P. 43–52. (In Russian)

Живов 1996 — Zhivov V. M. *Language and culture in Russia of the 18th century*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 590 p. (In Russian)

Исупова 2004 — Isupova M. M. Linguistic cliché and standard: Cognitive aspect. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2004, (483): 77–81. (In Russian)

Козляков 2014 — Kozlyakov V. N. *Queen Evdokia, or Lament for the Muscovite kingdom*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2014. 318 p. (In Russian)

Музыкант 2016 — Muzykant V. P. Contours of someone else's speech as an intext in the discourse of Slavic culture. *Vestnik slavianskikh kul'tur*. 2016, (1): 27–40. (In Russian)

Ремнева 2003 — Remneva M. L. *Ways of development of the Russian literary language in the 11th–17th centuries*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2003. 336 p. (In Russian)

Руднев, Садова 2020 — Rudnev D. V., Sadova T. S. The subject of modern business speech: Who is he? *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 2020, 2 (2): 186–192. (In Russian)